

ЛИНГВИСТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)

УДК 81'37

Ю. Л. Буклис, М. Е. Маслова

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЦВЕТ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОЙ ФОРМЫ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Введение. «Колористика», как сфера исследований, играет важную роль и интересует специалистов из разных наук. За все время существования человечества цвет был неотъемлемой частью жизни людей, и, безусловно, его значимость проявлялась как в культуре, так и в языке [3]. Именно поэтому в нашем исследовании мы обратились к особенностям семантического поля «цвет», которое может служить уникальным средством выражения эстетических идей, философских взглядов и образов. Особенно «красочно» это отражается в литературном языке, который отличается неповторимым авторским своеобразием. Исходя из этого, актуальность данного исследования объясняется необходимостью изучения лексико-семантического поля «цвет», так как оно играет важную роль в создании авторского стиля, придавая ему особую образность и неповторимость. Цель исследования состоит в анализе параметров семантического поля «цвет» и выявлении специфики их функционирования в произведениях малой формы О. Уайльда. Объектом исследования является английская лексика, принадлежащая лексико-семантическому полю «цвет», которая широко представлена в литературе О. Уайльда. Предметом данного исследования являются особенности функционирования данных лексических единиц в произведениях малой формы О. Уайльда.

Материалом для данного исследования послужили сказки О. Уайльда, объединенные в два сборника — “The Happy Prince and Other Tales” («Счастливый принц и другие сказки») [1] и “A House of Pomegranates” («Гранатовый домик») [1].

Основная часть. Посредством сплошной выборки из двух сборников сказок О. Уайльда выявлена структура семантического поля «цвет», характерная для стиля данного автора. Её состав составляет 383 цветообозначения и разделяется на 8 микрополей. В лингвистике цветообозначения рассматриваются с двух позиций: основных и оттеночных. Данные различия были введены для упрощения выявления доминирующих цветообозначений [2].

Посредством сплошной выборки был выделен ряд часто используемых О. Уайльдом лексико-семантических полей, исходя из частоты их употребления.

Исследование лексики в произведениях малой формы О. Уайльда показало, что самым распространенным микрополем является семантическое микрополе красного цвета с ядром в виде лексемы “red” (76 случаев). О. Уайльд часто использует эти оттенки в описании персонажей и явлений как положительные. Также чаще всего эти оттенки ассоциируются с понятиями царственности, красоты и юности. При тщательном анализе была выявлена определенная система использования красного цвета в тексте сказок. Мы можем также наблюдать использование этого цвета при описании частей тела, чаще всего губ персонажа:

“...kissed the cold red of the mouth” [1, с. 174].

Красный цвет присутствует в обширном описании металлов и драгоценных камней. В первую очередь это рубины, а также золото и бронза. Также О. Уайльд использовал лексему “red” для описания цвета волос персонажа (на русский язык чаще всего это переводится как «рыжий»):

“...she laughed and let down her red hair” [1, с. 140].

Однако коннотации, которые связаны с красным цветом, имеют не только положительную характеристику. Этот цвет часто ассоциируется с кровью и ранами. Также в сказке “The Star-Child” мы можем наблюдать, как на красном коне появляется сама Смерть:

“...and Death leaped upon his red horse and galloped away...” [1, с. 100].

Мы можем выявить из периферии лексико-семантического поля красного цвета ближайшие оттенки красного. Наиболее часто встречаемые оттенки: алый — scarlet (9 раз), розовый — pink (11 раз), пурпурный — purple (14 раз). О. Уайльд придавал особое значение пурпурному цвету, который чаще всего ассоциировался с цветом знати:

“...she walked slowly down the steps towards a long pavilion of purple silk that had been erected at the end of the garden” [1, с. 113].

На втором месте по частоте употребления мы можем наблюдать микрополе белого цвета с доминантой “white” (в исследованном материале было выделено 74 случая). Чаще всего этот цвет является положительным и ассоциируется с невинностью и чистотой. Своей белизной привлекает внимание морская пена в произведении “The Fisherman and the Soul” («Рыбак и его душа»):

“With white claws of foam the sea grabbed at the shore” [1, с. 174].

Но белый цвет — это не только скрепление чистоты и непорочности. Этот цвет имеет отрицательную коннотацию, которая ассоциируется со смертью. В произведении “The Star-Child” белый снег окутывал все вокруг и воспринимался персонажами как саван, покрывший мертвую и холодную землю.

“The old Earth is dead and they have laid her out in her white shroud” [1, с. 178].

Третье место по частоте употребления занимает лексико-семантическое поле желтого цвета с доминантой “yellow” (35 случаев употребления). Для особого колорита в своем произведении О. Уайльд часто обращался именно к этому яркому цвету. И чаще всего с желтым цветом связывались восточные мотивы. Писатель мистически передал желтый цвет в одеяниях персонажей:

“The King is wrapped in yellow linen, and embalmed with spices” [1, с. 31].

Четвертым по частоте употребления является лексико-семантическое поле черного цвета. Доминантой этого поля является лексическая единица “black” (выявлено 33 случая употребления). Не удивителен тот факт, что этот цвет традиционно имеет отрицательную характеристику. Так, в сказке “The Happy Prince” («Счастливый принц») мы видим, что автор описывает черные и темные улицы, показывая нам нищету и страдания простых людей. Также наблюдается непосредственная связь между черным цветом и колдовством, нечистой силой. О. Уайльд не поскупился на количество примеров этого проявления: в ночь шабаша ведьм к юному Рыбаку подбегает черный пес, в красивом бархатном костюме щеголяет сам дьявол, черный камень бросает Смерть, в черную гадюку превращается человек, на кого ведьма брызнула соком колдовского цветка:

“...black dog ran towards him and snarled” [1, с. 144].

Пятое место по частоте употребления занимает в произведениях малой формы О. Уайльда лексико-семантическое поле зеленого цвета. Доминантой этого поля является лексическая единица “green” (26 случаев употребления). Зеленый цвет является средством для описания живой и неживой природы в произведениях. Хотя данный цвет очень распространен в описаниях металлов, мрамора, украшений и драгоценных камней, прослеживается и его связь с мистикой и колдовскими чарами. Так, в сказке «Рыбак и его душа» (“The Fisherman and the Soul”) у ведьмы зеленые глаза, ее шапочка зеленого цвета, она вручает рыбаку кинжал с рукояткой из змеиной зеленой кожи:

“...tilted roof was of sea-green porcelain...” [1, с. 153];

“...and a little cap of green velvet was on her head...” [1, с. 144].

Шестую позицию по частоте употребления в сказках О. Уайльда занимает лексико-семантическое поле синего цвета, которое выражено лексемой “blue” (19 случаев употребления). Автор использует эту лексему в описании различных драгоценных камней, прекрасных украшений, цвета глаз и морской волны:

“...and the sapphire shall be as blue as the great sea” [1, с. 35].

Лексико-семантическое поле серого цвета с лексемой “grey” не очень распространено среди яркого и сочного «декора» произведений О. Уайльда (представлено всего 10 случаев употребления в исследованном материале). Как и любой эстет, О. Уайльд придавал огромное значение человеческой внешности, эстетике вообще и прекрасным проявлениям внешнего мира. Яркость, но не дикая вычурность придает пикантность и более яркую эмоциональную окраску произведениям данного автора. А серый цвет занимает нейтральную позицию и воспринимался автором как характерная черта болезненности:

“He was dressed in grey, and his breath was like ice” [1, с. 49].

Самую незначительную позицию занимает лексико-семантическое поле коричневого цвета, которое представлено лексемой “brown” (7 случаев употребления в исследовательском материале). С помощью этой лексики автор описывает цвет волос, кожи своих персонажей, а также для описания животных и птиц в произведениях:

“His hair is brown and crisp” [1, с. 33].

Заключение. Проанализировав тексты сказок О. Уайльда, которые объединены в сборники “The Happy Prince and Other Tales” и “A House of Pomegranates”, с точки зрения функционирования в них лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю «цвет», было установлено, что некоторые лексические единицы цвета в произведениях были ярко выражены либо имели нейтральный характер. Была выявлена специфика функционирования семантического поля, которая несет ассоциативный характер. Также были выявлены особенности проявления цветового эстетизма О. Уайльда, которые заключались в единстве красоты и морали. Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что цвета являются незаменимыми спутниками О. Уайльда, которые придают его творчеству пикантность и многогранность. Каждый цвет, каждое его проявление несет за собой эмоциональную окраску, которая необходима для полного восприятия литературной действительности.

Список цитируемых источников

1. *Wilde, O. Fairy Tales / O. Wilde.* — Moscow : Progress Publishers, 1979. — 210 p.
2. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Изб. тр. : в 2 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 1. — 472 с.
3. *Сапига, Е. В.* Цветообозначения в современной лингвистике: семантический и семиотический аспекты / Е. В. Сапига // Истор. и соц.-образоват. мысль. Т. 8. — 2016. — № 2/2. — С. 192—194.

УДК 81-26

М. Н. Вальнец

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Введение. Современная лингвистика немислима без сопоставления изучаемых объектов. Взаимное соотнесение, сравнение и противопоставление единиц, форм, категорий, разрядов и других языковых явлений выступает как обязательное условие характеристики каждого из них, установления существенных формальных и смысловых связей между ними и конституирования объединяющих их микросистем, субсистем и систем. Сказанное полностью относится и к исследованию фразеологических единиц. Можно утверждать, что в сфере фразеологического исследования потребность в сопоставлении выше, чем на других уровнях анализа.

Основная часть. Фразеология является неотъемлемой частью национального литературного языка. Обращение к фразеологическим фондам немецкого, русского и белорусского языков, а также сопоставление национального своеобразия фразеологических единиц, выявление степени межъязыковой эквивалентности фразеологических единиц, имеющих в своем составе имена собственные на примере фразеологических фондов немецкого, русского и белорусского языков, явилось исходным моментом исследования.

Проанализировав и изучив литературу, мы пришли к выводу, что фразеология довольно часто является объектом исследований лингвистов. Это обусловлено тем, что фразеологизмы сопровождают человечество с давних времен и очень часто встречаются в обыденной жизни. Кроме того, фразеологизмы делают речь более яркой, эмоциональной, красочной, а значит, более убедительной, а также позволяют более точно и кратко выразить свои чувства и мысли. Однако с точки зрения сопоставления фразеологизмов, имеющих в составе имена собственные, на основе различных языков вопрос является недостаточно изученным.

Исследование особенностей фразеологических единиц с именами собственными, входящими в состав фразеологизмов немецкого, русского и белорусского языков, проводилось такими методами, как метод сплошной выборки, методы структурного и сопоставительного анализа, словарных дефиниций, описательный метод, основанный на анализе и классификации изучаемого пласта лексики.

Материалом исследования стала выборка фразеологических единиц, критерием отбора послужило наличие имени собственного в составе фразеологических единиц (*Eulen nach Athen tragen, mit Diogeneslaterne suchen, открыть Америку, Филькина грамота, як Піліп з каняпель, як Марка на пекле*).

Нами были рассмотрены такие понятия, как «фразеологическая единица», «имя собственное», с точки зрения различных исследователей, а также классификации имен собственных, по которым было проведено соотнесение фразеологических единиц, включающих имена собственные, с определенными группами.

Фразеологизмы — устойчивые, постоянные по своему компонентному составу, воспроизводимые единицы языка, обладающие единым целостным значением [1, с. 120].

Имя собственное — это имя существительное, обозначающее слово или словосочетание, предназначенное для названия конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений [2, с. 157].

Многие фразеологизмы имеют литературное происхождение. Первое место из литературных источников по числу фразеологических единиц занимает Библия (*Salomos Pantoffeln geerbt haben, Манна (по библейскому мифу — пища, которую Бог посылал каждое утро с небес для евреев, странствующих по пустыне) небесная, запець Лазара*). Фразеологизмы библейского происхождения часто во многом расходятся с их прототипами. Основные типы подобных расхождений:

- 1) библейский прототип является свободным сочетанием слов, которое употребляется в буквальном значении, соответствующий фразеологизм создается в результате его переосмысления;
- 2) изменение формы образного библейского оборота. Это происходит за счет того, что некоторые библеизмы модернизируются, а архаические формы отбрасываются.

Одним из источников пополнения фразеологии являются заимствования. Особенно многочисленны заимствования из латинского языка; имеются отдельные заимствования из греческого и других языков. Заимствования в своем большинстве носят книжный характер. Многие из этих фразеологических единиц носят интернациональный характер и встречаются в ряде языков.